

В те дни Чжао Цзюнь чувствовал, что жизнь его превратилась в сущий ад. Раньше его окружала прислуга, а теперь приходилось делить кров и пищу с нищим да ещё отбивать еду у бродячих псов. Его роскошные одежды Чжао Хэн продал, заменив их простой грубой тканью, которая натирала кожу. Он думал, что не стоило тайком сбежать с подчинёнными, но те погибли за него, и жаловаться было не на что. Лучше поскорее найти отца. Впрочем, этот нищий оказался полезен. Именно его яростная решимость в борьбе за еду поразила Чжао Цзюня, и он поделился с ним пищей, решив, что тот может пригодиться. И действительно, небольшая доброта помогла ему вернуться домой, хоть путь и был труден. Чжао Цзюнь был доволен, что нашёл защитника, — в такое время это было редкостью. Отец же, хоть и был у него единственным сыном, держал его в строгости, даже можно сказать — не уделял внимания. Чжао Цзюнь боялся, как бы отец не разочаровался в нём ещё больше.

Шли месяцы. Им довелось избегать очагов чумы, видеть, как дикие псы пожирают людей, и знать семьи, меняющиеся детьми, чтобы выжить. Они бежали без оглядки, пока не достигли места, где досмотр был особенно строг. Чжао Цзюнь назвал себя, и солдаты немедленно доложили начальству. Вскоре их проводили во дворец.

Чжао Хэн, выросший в захолустном городке, никогда не видел таких величественных павильонов с многоярусными крышами и замысловатой резьбой, но почему-то ему казалось, будто он здесь уже бывал.

Чжао Цзюнь повёл его в купальню. Ступив в беломраморную ванну, Чжао Хэн почувствовал смутное ощущение, будто он и должен здесь находиться.

Он тщательно омылся, смыв дорожную грязь, и облачился в новую одежду, поданную служанкой. На нём был тёмно-красный халат с узором из струящихся облаков, смотревшийся весьма величественно.

За те месяцы Чжао Хэн кое-чему научился и спросил служанку: «Могу ли я носить одеяние такого цвета?»

Служанка, встретившись с ним взглядом, вдруг покраснела и пробормотала: «Таков приказ императора».

Чжао Цзюнь тоже завершил омовение. Увидев Чжао Хэна, он на миг замер, а затем усмехнулся: «Одежда меняет человека. В этом наряде, не зная твоего происхождения, любой примет тебя за юношу из знатной семьи. Слишком уж ты статен».

Чжао Хэн улыбнулся. Он и сам не знал почему, но внутреннее чутьё подсказывало ему, как надлежит себя вести.

Чжао Цзюнь не мог понять, отчего этот юноша в парчовом халате выглядел благороднее его самого.

Император велел им явиться в кабинет. Они последовали за служанкой. Прибыв на место, служанка удалилась. Их обыскали, и стражник взглянул на Чжао Хэна как-то странно.

Чжао Хэн, естественно, заметил это и спросил: «В чём дело? Что со мной не так?»

Стражник ответил: «Не смею высказать».

Чжао Хэн, хоть и был озадачен, не стал допытываться, раз император ждёт, и они вошли.

В тот момент государь просматривал доклады. Услышав их вход, он даже не поднял головы.

Чжао Хэн вслед за Чжао Цзюнем опустился на колени. Император промолвил: «Цзюнь, поведай, что видел и что познал за эти месяцы».

Чжао Цзюнь описал все ужасы, встретившиеся им на обратном пути. Рассказ его длился около времени, что горят три благовонные палочки, и явил всю глубину скорби принца о народе и державе.

Император наконец отложил кисть, закрыл глаза, потер переносицу и вздохнул: «Коль стольким научился, сей самовольный побег прощаю».

Государь спустился с возвышения. Чжао Хэн чувствовал, что простоял на коленях так долго, что успел бы мысленно вышить узор на дворцовом ковре.

Император сказал: «Ты — тот, кто спас принца».

Чжао Хэн поднял голову и ответил: «Так точно».

Узрев его лицо, государь вдруг запнулся и спросил: «Откуда ты родом?»

Чжао Хэн ответил: «Из Бочжоу».

«А родители?»

«Мать умерла при моих родах. Отец пал на войне, когда мне было восемь».

Император помолчал, затем произнёс: «Встань. Цзюнь, ступай». И, уже обращаясь к Чжао Хэну: «Как звать тебя?» Чжао Цзюнь удалился, бросив на уходящего последний взгляд.

«Чжао Хэн. Имя дал принц».

Государь замер, тихо вздохнув: «Неужто воля Неба?»

Он спросил Чжао Хэна: «Ведаешь ли, кто я?»

«Владыка Поднебесной», — отвечал Чжао Хэн, соблюдая должную почтительность.

«Эх, малец, да ты, поди, и не ведаешь, скольких ныне императоров по свету», — усмехнулся государь.

«Ныне есть Старый двор и Новый. Прежде, когда в стране был порядок, я был законным правителем. Увы, главнокомандующий возжелал слишком многого — возжелал моей жизни. Но затем один из его военачальников спас меня, и я оказался здесь».

Чжао Хэн подумал: «Значит, верные всё же есть».

Император же продолжил: «А после я велел казнить того военачальника».

По спине Чжао Хэна пробежал холодный пот. Он не понимал, к чему государь говорит ему такое.

Государь промолвил: «Ты очень похож на его сына». Спина Чжао Хэна покрылась испариной ещё гуще.

«По правде сказать, когда я прибыл в новый город, мало кто оказывал мне почтение. Лишь сын того военачальника был рядом. Когда страшно было — он утешал, когда сна не было — он баюкал. Когда он был рядом, то были самые светлые дни моей жизни. Потом он пропал. Говорили, будто погиб, но тела так и не нашли».

Чжао Хэн подумал: «Вот он, последний преданный слуга. И на меня похож. Неужто государь вспомнил о нём?»

«На деле же он, как и прочие, лишь пытался мною воспользоваться, дабы провести всех. Но... я так жаждал тепла. Или, может, лишь он один был для меня сладким ядом. Если бы не он, я бы не восседал здесь ныне. Ведь он никогда не скрывал от меня доклады, что просматривал, а даже наставлял меня».

Чжао Хэн подумал: «Горька ваша доля, государь, но к чему речь ведёте?»

Император сказал: «Побудь при дворе, скрась моё одиночество».

Чжао Хэн: «???»

Вероятно, выражение его лица выдало крайнее изумление, ибо государь рассмеялся: «Просто побудь рядом, беседуй со мной. В такие времена редко встретишь человека, что пробился сюда одной лишь отвагой. Иной раз и императору нужен тот, кому можно излить душу. Особенно императору в смутные времена».

Чжао Хэн никак не мог сказать государю, что все его поступки — лишь следствие внутреннего чутья, что не раз его спасало. Но он чувствовал, что у императора есть свои скрытые цели, и просто отказаться не мог.

Чжао Хэн сказал: «Я никому не расскажу».

Государь усмехнулся, но ничего не ответил.

Так Чжао Хэн и остался во дворце. Жить здесь, конечно, было куда лучше, чем скитаться в нищете, но радости он не испытывал. Более того, он чувствовал, что если задержится — непременно случится беда. Впрочем, он многому здесь научился: верховой езде, стрельбе из лука, основам боевых искусств — владению мечом и технике черепашьего дыхания. Учился он необычайно быстро, куда быстрее обычных людей, и обнаружил, что сила его намного превышает силу многих. Понял он тогда, почему ему удавалось отбивать еду у других.

Затем придворный лекарь, осмотрев его, сказал, что у юноши застарелый недуг и вряд ли он доживёт до совершеннолетия.

Чжао Хэн, познавший цену жизни, покорно последовал совету и начал пить горькие снадобья. Он был благодарен государю — раньше лишь богачи могли позволить себе лечение. Но чем дольше он задерживался во дворце, тем сильнее росла в нём неловкость. Он размышлял: по какому праву он здесь? Что он должен отдать взамен? Он не был глупцом — верить, что в такое время о нём так пекутся лишь ради беседы. В мирные времена, может, ещё куда ни шло, но в долгой смуте — никогда. Бродил он по тихим уголкам дворца и слышал шёпот: говорили, будто в казне не хватает средств на армию.

Император наконец заметил его тоску и издал указ отправить его на военную службу.

Чжао Хэн облегчённо вздохнул и чуть ли не с радостью отправился исполнять повеление.

Император спросил у стражника у дверей: «И в лице, и в стане — вылитый он. Не правда ли?»

Стражник, долго служивший государю, ответил: «Действительно, очень напоминает того юношу. Но зачем вы его отпустили, ваше величество?»

Император уверенно промолвил: «Немного свободы притупляет бдительность. Я хочу его. Всецело».

«Порой мне кажется, будто Чжао Хэн — это его возвращение».

Стражник изумился: «Но тот юноша был знатного рода. Разве можно их сравнивать?»

Государь ответил: «Он пробыл при дворе достаточно, чтобы пропитаться благородством. К тому же, оба с рождения несли в себе хворь. Порой даже жесты и выражения лица схожи. Быть может, это его перерождение. Хм, вот и я начал верить в подобное. Может, он вернулся, чтобы помочь мне».

Стражник же подумал про себя: «Так вы его любите или же жаждете использовать его талант?»

<http://bllate.org/book/16277/1465512>